

— Почему мне никто не сказал? — тихо спрашивает Гарри.

Он не психует по поводу пророчества как, я помню, он делал в книге, но потом осознаю, что Сириус не убит и Волдеморт не изнасиловал ему мозги своей попыткой взять под контроль.

— Не знаю. Это весьма тяжёлая ноша, чтобы вот так просто возложить её на кого-то, хотя по правде ты заслужил узнать про неё уже давно.

— Но Уильям, ты уверен, что не помнишь слово в слово? Пусть я бросила прорицания, но я знаю, что точные слова весьма важны, — говорит Гермиона. Где ж ты была на шестом курсе, а?

Рассматривая потолок, собираюсь с мыслями, пытаюсь вспомнить как можно больше.

— Близится тот, у кого есть сила победить Тёмного Лорда. Я практически уверен в формулировке первого предложения. Либо разница не имеет практического значения. Вот после я не помню в точности порядок фраз. Рождён во время смерти седьмого месяца в семье трижды бросивших ему вызов. Потом есть кусок про у него есть сила, о которой не знает Тёмный Лорд. А потом говорится что-то вроде один должен умереть от руки другого потому, что ни один не сможет жить если выжил другой. Думаю, что первая фраза повторяется в конце, но это... стойте! Ранее точно ещё говорится Тёмный Лорд пометит его как равного себе, — и дотрагиваюсь пальцем себе до лба.

Гермиона кажется хочет что-то сказать, но когда я вспоминаю последнюю фразу, бледнеет.

— Да, я вполне уверен, что Трелани произнесла это пророчество незадолго до рождения Гарри. Если я не ошибаюсь, Невилл родился примерно в это же время, но эта последняя фраза подтверждает, что Волдеморт сам выбрал между вами.

— Угу. Погоди, Трелани произнесла пророчество? — с сомнением спрашивает Гарри.

— Да, и я знаю о чём ты подумал, — отрицательно кручу головой. — Какой бы видящей она ни была, она ничего не помнит про само произнесение пророчества. Только Дамблдор и может быть МакГоннагал знают его полностью. Ну и ваш покорный слуга, я так считаю, хоть и не помню точных слов. Снейп слышал первые две фразы — только первые две, до слов рождён во время смерти седьмого месяца. Не знаю, нарочно позволил ему Дамблдор услышать, случайность ли это — история эта очень мутная, но так или иначе Снейп рассказал всё Волдеморту, и именно поэтому Волдеморт знал, что ему надо напасть на Поттеров и Лонгботтмов.

— Вот сволочь! — орёт Гарри, от души врезав по подлокотникам.

— Погоди, Лонгботтомы? Но он... его родители тоже мертвы? — спрашивает Гермиона с глазами полными слёз.

— Извини, — морщусь я. — Это его жизнь и история, захочет — расскажет. Хотя вы возможно знаете, что его вырастила бабушка.

После намёка на судьбу Невилла ярость Гарри понемногу увядает.

— Он рассказывал, как требовательна к нему бабушка, но я никогда не обдумывал — о чём он говорит и о чём нет...

Оба молчат, без сомнения переключившись мыслями на робкого и нескладного мальчишку и на выпавшие на его долю испытания.

— Честное слово, — беру разговор в свои руки, — запись пророчества хранится в Департаменте Тайн Министерства Магии, на случай если вы мне не верите. Можете там проверить, существует ли оно на самом деле.

— Нам нужно до него добраться, — говорит Гарри.

А меня внезапно посещает идея.

— Как ни странно, ты можешь просто сказать Дамблдору, что знаешь о нём, — смеюсь от простоты решения. — Сам дивлюсь, что не подумал о таком раньше. И раз уж ты уже знаешь, у него не будет причин скрывать точную формулировку от тебя.

— А как он объяснит источник своего знания? — спрашивает Гермиона.

— Просто. Скажи, что слышал его в своём... — я сдуваюсь и, уверен, кривлюсь лицом. Проклятье, мне действительно стоит тренироваться в сокрытии информации.

— Что, Уильям? Сказать директору он слышал его где? Ну что, опять тайны, Уильям? — Она топает ногой. О боже, она опять сердится на меня.

У Гарри в его взгляде искоса заметна подозрительность.

— В твоих снах, Гарри, -перевожу я свой взгляд в пол.

— Это просто смешно, Уильям, почему он должен увидеть его в своих... — Гермиона теряет дар речи, когда видит бледное и поражённое лицо своего лучшего друга. Она переводит взгляд между мной и Гарри.

— Ты ей не рассказывал? — почти шёпотом спрашиваю его.

— Что не рассказывал? Что ты мне не рассказывал, Гарри?

— Я просто... как бы выразиться? Это был сон, и мой шрам болел, — дрожит Гарри.

Я почти уверен в безучастном выражении собственного лица, но Гермиона, несомненно, видит насквозь.

— Хорошо, Уильям, давай послушаем, — она тут же раздражается отсутствию мгновенного ответа. — Давай, не заставляй меня выдирать это из тебя вместе с зубами.

Судорожный смешок вылетает ещё до моего сознательного желания его остановить.

— Что такого смешного? — требует она.

— Ничего, наконец-то я от тебя услышал зубоврачебную шутку, вот и всё.

И тут же получаю от неё взгляд-выстрел.

— Ты знаешь, что мои родители — дантисты, так?

Ну почему я не могу держать рот на замке?

— Извини, в утешение могу сказать — это всё, что я знаю о них. — Блин, какое в моих словах утешение-то? Ну да, я знаю, что у них множество имён в разных фанфиках, хотя Дэн и Эмма в честь имён актёров — едва ли не наиболее популярные. — Сон, — говорю дрогнувшим голосом, — который видел Гарри этим летом — это не сон.

Медлю, ожидая порки от Гермионы за смену темы. Она молчит, и я вдыхаю поглубже, стараясь понять, как мне всё это подать.

— Это... видение. Нет, не будущего, помилуй боже, а настоящего. Шрам Гарри — его связь с Волдемортом. Случайная, поэтому Волдеmort ничего о ней ещё не знает. Но она позволяет Гарри ощущать его чувства, когда тот выходит из себя от гнева или радости.

Гермиону, похоже, сейчас стошнит.

— Да что ж это такое, Гарри! Что же нам теперь делать?

Гарри трёт виски и не даёт никакого ответа.

После долгого молчания я считаю, что стоит бросить им ещё одну косточку.

— Помнишь, я тогда говорил об окклюменции. Так можно попытаться изолировать эту связь и надеяться, что больше не будет видений этим путём. И что более важно, ничего не пойдёт в обратном направлении.

Гарри вскидывает голову.

— Но я был змеей там, в этом видении. Если это связь с Волдемортом, то как я мог быть змеей?

— У змеи такая же связь с ним, как и у тебя, — говорю как можно более туманно, надеясь, что это всё не скатится к обсуждению крестражей. Разумеется, слово “надежда” в этом случае — всего лишь набор букв. Гермиона обращает свой взор на меня.

— Объясняй.

Откидываюсь в своё кресло, ощущая сильное опустошение от выкачивания такой эмоционально насыщенной информации и мысли о том, что это ещё не конец. Хорошей новостью было принятие Гарри с Гермионой просто как факта, что каким-то образом я знаю обо всех прошедших событиях больше, чем любой из ныне живущих.

Плохой новостью было то, что Гермиона, по её виду, не остановится перед моим вскрытием ради того, чтобы вытащить всё, интересующее её, из моей головы.

Скрывая ужас перед самой тёмной магией из описанных в каноне, вываливаю все свои знания о них. Дневник со второго курса, фамильное кольцо Мраксов, чаша в гринготском сейфе Лестранжей, украденный Регулусом медальон, диадема в складе забытых вещей — одним из вариантов этой комнаты... И змея из видения.

Я мельком бросаю взгляд на Гарри, и глаза Гермионы округляются и мгновенно наполняются слезами, когда она сразу складывает два и два.

— Нет... не может этого быть... — прижимается она головой к груди Гарри. Тот догадывается обо всём мгновением позже и просто застывает с отрешённым взглядом.

Отчаянно-безнадёжные всхлипы Гермионы рвут мне сердце, и я отворачиваюсь.

— Прости, Гарри, — и это всё, что я могу сказать в этот момент. Немного придя в себя, стараюсь не обращать внимания на всё ещё душераздирающий плач Гермионы. — Слушай, Гарри, — стараюсь звучать убедительно, — мы собираемся найти решение проблемы. Эта девушка вот здесь, — указываю на Гермиону, — Люпин назвал её умнейшей ведьмой поколения. Он ошибается. Она, чёрт побери, умнейшее существо на этой планете, включая Дамблдора. Все мы вместе обязательно разгадаем, что делать. Ты всё ещё жив, и тебе

совершенно нет необходимости умирать. — Чувствую себя странно, давая такое обещание, принимая во внимание грядущее. Но сейчас это кажется правильным.

Может Гермиона, если у неё будет побольше времени на обдумывание, окажется способна найти то, о чём Дамблдор и не подумал. Хотя сейчас она смотрится потеряно, и поэтому вряд ли включила свою мозговыворачиватель на всю катушку. Мне надо отвлечь её, постараться отделить отделить стеной её первоначальное потрясение.

— Кстати об окклюменции. Вы как, народ, спрашивали Дамблдора о ней?

Гарри вскидывает голову, а Гермиона съёживается.

— Нет, мы... я забыла об этом когда ты... Я имею в виду...

— Когда ты дала мне от ворот поворот?

— Мне и так плохо...

— Шучу, Гермиона. Ну, поскольку вы узнали обо мне побольше, то предположительно могу поделиться с вами тем, что я действительно знаю о ней. Вместо тех крошек панировочных сухарей, в которых я вас обвалял тогда.

У Гермионы уже в который раз рот принимает форму буквы "О". И я с большим удовлетворением наблюдаю, как выражение безнадёжности на её лице меняется на гнев.

— Ты... ты гад!

— Извини, — слегка улыбаюсь ей, — не ожидал я, что выдам такое количество тайн так рано. — Но она не находит в моих словах ничего забавного, поэтому прочищаю горло и продолжаю. — Ну так вот, окклюменция на самом деле защита от легилименции. Снейп и Дамблдор, оба, большие специалисты в обоих дисциплинах. Слышал, что профессор Флитвик тоже не чужд этих умений, поскольку был профессиональным дуэлистом, но в точности насчёт него я не уверен. В тройку самых-самых в Британии ещё входит Волдеморт. Занятно, — а вот эта мысль пришла мне в голову только что, — Светлый Лорд, Тёмный Лорд и кандидат на место Тёмного Лорда, хм...

— И как нам этого достичь? — спрашивает она, любопытство, очевидно, превозмогает её гнев на меня.

— С уверенностью могу сказать очень немного. — Это правда, поскольку только в фанфиках есть множество отличающихся описаний якобы настоящих упражнений для создания окклюдентивных щитов. Если исключить, конечно, снейповскую методику — орать "очисти свой разум", а потом долбануть торпедой легилименции Гарри по мозгам, выдавая это за

самый лучший способ обучения. — Я знаю, что это включает очистку разума от всех эмоций и от всех мыслей. По сути, наверное поэтому комната не смогла предоставить мне никаких соответствующих книг по теме. Может их просто нет в природе, а всё что есть — дисциплина и тренировка.

— Думаю, — задумчиво говорит Гермиона, — мы можем начать практиковаться. По-видимому будет очень трудно удерживать себя в таком вот состоянии.

— Есть у меня пара собственных идей, если хотите попробовать альтернативные и более простые методы. Конечно, я не знаю об их эффективности без проверки настоящим легилиментом.

— Конечно, мы слушаем.

— Окей, в случае Гарри его главной задачей является защита от одной особо вредной персоны. Поэтому ему стоит сосредотачиваться на воспоминаниях или группах воспоминаний, которые будут этой личности чрезвычайно неудобны и непереносимы. Заставь его смотреть воспоминания воссоединения с Сириусом, восторг от полётов, объятия с Гермионой... воспоминания, в которых есть любовь и счастье. Примерно как ты это делаешь для патронуса — суть одинакова. — Если я правильно помню, то Гарри достаточно успешен в этом.

Гарри краснеет от упоминания Гермионы, но смотрит задумчиво.

— Имеет смысл.

— Но Дамблдора это не удержит, — заканчивает за него Гермиона.

— Не удержит, но может быть воспретит ему получить то, что он на самом деле хочет. Ещё способ — полностью сосредоточиться на своей текущей деятельности или цели, совершенно загрузить ею свой мозг. Например, играй в своём мозгу в шахматы или комментируй воображаемую игру в квиддич. Что-то, что займёт твой мозг полностью, так что никакой иной образ или шальная мысль просто не смогут проявиться. — Это я выучил от Эттона Ранда, только вот он считал периоды двигателя Чёрного Сокола или играл в пацаак у себя в голове. Спасибо вам, видеоигры.

— Очень похоже на то, что ты рассказывал перед этим, — хмурится Гермиона. — Будет очень трудно поддерживать такое состояние, пока ты не сможешь игнорировать хотя бы разговаривающего с тобой.

— Может это уже следующий шаг после очистки собственного разума — быть способным отказать слушать кто и что там говорит? Быть способным поддерживать это ничто вне зависимости от любых обстоятельств. — Откидываю голову назад, когда меня настигает мысль.

— О чём ты только что подумал? — замечает моё состояние Гермиона.

— Есть ещё одна штука попробовать. Похожая, но я действительно думаю, что она будет лучше любой другой. Ну что, ребята, попробуйте прямо сейчас?

— Да, — Гарри садится прямо. Вопросительный взгляд на Гермиону — и кивок в ответ.

— Окей. Закройте глаза и нарисуйте себе черноту. Пустое место. Ничто. — Я медлю и следую собственным инструкциям. — Теперь нарисуйте пламя прямо в центре, только пламя, ничего нет больше вокруг, даже теней. А теперь скормите пламени свои эмоции и чувства. Весь страх, весь гнев, всю досаду... бросьте это всё в пламя. Огонь разгорается с каждой новой порцией ваших чувств. Затолкайте всё внутрь, всё смущение, ваше счастье, вашу зависть, вашу любовь. Пламя уменьшается после полного истребления каждого куса пищи. Продолжайте заталкивать их туда — вашу нервозность, ваше рвение, и позвольте огню испепелить их до конца и сжаться снова в ничто.

После нескольких минут тишины открываю глаза и обнаруживаю уставившуюся на меня пустым взглядом Гермиону. Глаза Гарри всё ещё закрыты. Подмигиваю Гермионе, что, очевидно, оказывается плохим выбором. Пробую поднять палец к губам, но не успеваю помешать ей издать звук, замеченный Гарри.

— Что это было? — спрашивает Гарри бесцветным голосом.

— Это было Пламя и Ничто, — отвечаю так, даже зная, что спрашивал он не об этом. Безотчётно пытаюсь вспомнить, чьей любезности обязан этим упражнением — Тэму Ал'Тору или Лану Мандрагорану.

— Считаешь это работает? — хмуро спрашивает Гарри.

— Не знаю, — честно говорю в ответ. — Но думаю, что вреда не будет.

— Похоже на маггловскую медитацию, — говорит Гермиона, потом кидает в меня неодобрительный взгляд за смену темы разговора. — По крайней мере это уже можно тренировать.

* * *

К сожалению, вряд ли им удалось легко заснуть этим вечером после разговора с Дамблдором,

поскольку на следующий день настроение у парочки мрачное. Положительной стороной становится то, что Гермиона больше не смотрит на меня с подозрением. Возможно, она всё ещё старается расколоть загадку имени меня, но слишком она расстроена ситуацией с Гарри, чтобы продолжать дознание немедленно.

— Может Дамблдор был прав, — шепчет мне Гермиона, искоса глядя на Гарри. Как расстроенный ребёнок с мешками под глазами, тот сидит с книгой на коленях, глядя прямо сквозь неё.

— Гарри, — решаюсь на прямой подход. Он поднимает голову, а взгляд проясняется. — Был Дамблдор прав, утаивая эти знания от тебя? — Он морщит брови, как будто обдумывает. Но меня это всё уже достало. — Если так, давай вызовем обливиатора. Ты этого хочешь? — Смотрю прямо ему в лицо и вижу гнев, на который я и рассчитывал.

— Уильям, — шипит Гермиона.

— Нет, Гермиона, я рассказал всё ему потому, что ему это надо знать. — Поднимаю руку, чтобы удержать неминуемую резкую отповедь. — Да, я знаю, что вы сами добивались этого, но, кроме как легилименцией, вам бы меня не достать. Итак, все мы знаем, как неточны пророчества. Оно может быть исполнено завтра, а может через полсотни или сотню лет. Мы — просто — не — знаем. Поэтому сейчас всем нам стоит вытащить головы из задниц и готовиться.

— Ты... вы, ребята, не... — отшатывается Гарри.

— Стой. Ни слова больше, Гарри. Что ты сделаешь, если я стану угрожать Гермионе?

— Т-ты не станешь...

В ответ я встаю, иду через комнату и разворачиваюсь с поднятой рукой. Сосредотачиваюсь на выделении кусочка магии, и светло-зелёная дымка нарастает перед моей ладонью.

— Ты знаешь этот цвет, Гарри, — стараюсь говорить угрожающе.

От моего жёсткого взгляда Гермиона смертельно беднеет, а Гарри как молния прыгает перед ней с палочкой наготове. Зелёный свет расширяется в щит за мгновение до того, как мощная оглушалка впечатывается в него. Моя магия напрягается в попытке противостоять её силе, и я падаю на четвереньки от слабости.

— Сдаюсь-сдаюсь! — выдыхаю вместе со словами, когда яростный красный свет рассеивается. Гарри выглядит готовым убивать. — Блин, Гермиона... ..не напомнила... не драться... — пробую усмехнуться, но дыхание ещё не восстановилось и получается просто свист.

— Что это за игры ты устроил? — требует ответа Гарри.

— Гарри, это было не смертельное проклятье, — тихо говорит Гермиона.

— Что!? — он разворачивается и орёт на Гермиону. Но тут же смягчается, когда осознаёт свои действия. — Что? — повторяет он уже гораздо более спокойно.

— Свет... пытался сделать... того цвета, — умудряюсь объяснить в перерывах между судорожными вдохами.

— Это был не самый лучший способ доказать то, что ты там хотел, Уильям, — ворчит Гермиона.

— И что же ты доказывал? — Гарри наконец позволяет гневу ослабнуть.

— Гарри, ты... ты выпрыгнул передо мной, когда подумал, что он собирается... — Она зарумянилась после взгляда на Гарри.

— Гермиона, я не мог позволить ему... позволить тебе... — ага, вот и он покраснел.

— Точно, Гарри, точно! — говорю я, наконец отдышавшись. Заставляю себя встать, опираясь на ближайший книжный шкаф. — А теперь, почему ты думаешь, что мы не готовы сделать то же самое для тебя?

— Но это... так не бывает... это не имеет смысла!

— Конечно имеет, Гарри! — горячо говорит Гермиона.

— Да, в этом и есть главный смысл, — соглашаюсь с ней. А потом громадная ухмылка расплзается по моему лицу. — В конце концов, вы любите друг друга.

— Что? — глаза у них вылезают из орбит, и мне остаётся только заржать.

— Пока только платонически, — отмахиваюсь я от их растерянности. — Гермиона уже это поняла, хоть ещё ни разу не выразила в словах. — Улыбка у меня увядает, когда перевожу взгляд на Гарри. — Но ты, Гарри, ты бы не осознал. Скажи, тебе стыдно рассказать, как много она для тебя значит?

Количество румянца на их лицах просто потрясает.

— Тебе не надо этого говорить, ты делом показал это минуту назад. Тебе совершенно не нужно было закрывать её своим телом, чтобы запустить ступефай, так? Знаю, что ты примерно так же ответил бы, если бы я угрожал кому-нибудь другому. Но сколько человек ты сначала закрыл бы собственным телом? В защиту скольких ты смог бы выпустить эту сверхмощную оглушалку? В

голову приходят только двое, максимум. И на данный момент — скорее всего только одна. Кстати, подумайте оба, а почему Гарри именно после тролля и именно с тобой, Гермиона, решил подружиться вообще? Не из-за смертельно-опасной ситуации же, ведь в такую вы уже попадали до этого, когда на Пушка наткнулись.

Позволяя переварить им слегка эту мысль, иду обратно и тяжело плюхаюсь в освобождённое Гарри кресло. Сам он теперь сидит в похожей позе на диване рядом с Гермионой.

— По крайней мере надеюсь, что эта была сверхмощной. В противном случае от меня будет мало толку в драке рядом с вами.

— Зачем? — я едва слышу шёпот.

— Что?

— Зачем тебе драться рядом со мной? С нами? — спрашивает Гарри. — Ты вроде бы знаешь, кто наш противник? Почему тебе это нужно? Я и Гермиона... ну у нас типа некоей связи, а вот ты почему лезешь?

Это хороший вопрос. Зачем мне это всё? Зачем я сознательно поставил себя в наиболее опасную из всех возможных ситуаций, за исключением, возможно, клочка пергамента с моим собственным именем в кубке? Я мог бы просто расслабиться и наслаждаться жизнью в волшебном мире, пройтись по девочкам и даже в-общем просто снизить рвение. Конечно, перенос был для меня настолько внезапен, без остановки и возможности обдумать свои возможности. Сначала меня вело любопытство, потом же я просто продолжил движение по инерции своего первого спонтанного решения. Мне вообще в голову не приходило, что у меня есть выбор. А может так оно и есть, чувак?

Но теперь всё так, как оно сложилось. Почему я не приложил дополнительных усилий вернуться в свою реальность? Что я получу за изменение установленного течения событий? И сработает ли всё так, как я хочу?

А если я умру?

— Знаешь, свои причины остановить Волдеморта есть и других, — говорю как можно более отстранённым голосом. Это слабенькая причина, я знаю. И Гермиона, возможно, вскоре напомнит мне.

Ей хватает ужина и короткого времени после, так что мне даже не удаётся добраться до кровати, перед тем как она добирается до меня. Меня загоняют в угол прямо рядом с лестницей в мальчишечьи спальни.

— Знаешь, в этом нет никакого смысла, — говорит она, скрестив руки на груди.

— А поконкретнее, — тщетная попытка сыграть в дурачка.

Она придвигается почти вплотную, чтобы избежать подслушивания.

— Если у тебя собственные причины, то почему ты настаиваешь, что ты на “нашей” стороне, что бы это ни значило? Почему не на своей собственной? Почему ты намекаешь, что пойдёшь очень далеко, чтобы защитить ме... нас?

— Я точно постараюсь, — в этом-то я уверен, если, конечно не замру сначала от страха. Просто в моей жизни было маловато ситуаций со смертельным риском. Но из книжек я знаю, как оно работает для попаданцев в иные измерения — просто умри, и ты вернёшься обратно. Может быть и так, а может и нет? Эх, если я буду себе это долго повторять, может мне будет не так страшно сделать это? Но вот сам процесс смерти — гораздо легче сказать, чем сделать.

— Это не ответ на вопрос.

— Знаю.

— Без сомнения ты бесишь меня сильнее любого другого встреченного мной мальчишки! — в бешенстве шепчет она.

— Это большая честь, учитывая твою обычную компанию, — ухмыляюсь я и тоже складываю руки на груди.

— Болван! — старается она взглядом просверлить дырку во мне.

Я перестаю усмехаться и делаю серьёзную мину.

— Кто бы говорил я, мол, не люблю... Гарри, тоже? Имею в виду, что он в-общем лакомый кусочек.

Выражение её лица бесценно.

— Эй, не тормози. Знаешь, а у меня слабость к тёмным волосам, просто тащусь. А ты разве нет? Да ещё эти яркие зелёные глаза... Ай! Тебе обязательно бить всегда в одно и то же место?

— Ты заслуживаешь! — и она ещё раз тыкает туда же.

— Святая правда. Но я ничего не могу с собой поделать. О, как темнеют твои карие глаза, и эти губы бантиком краснеют, и изгибаются в... — упс, я это что, вслух сказал? Её потрясённое до глубины души выражение лица сказало мне, что да. — Ой.. я тут... о чём мы тут опять

говорили?

В ответ она разворачивается и бежит прямо по лестнице в спальни девочек.

Ну вот, если подумать, отстранившись от чувств, неплохое объяснение моего выбора. И на сколько хватит уже этого объяснения, да и ухватят ли его неискушённые в таких игрищах разумы Гарри и Гермионы?

— У тебя настоящий дар, — говорит Гарри, поднимаясь позади меня. — Не думаю, что кто-то ещё поражал и смущал её так часто.

— Сердил её, так что ли? По мне — так это скорее проклятье.

— Нет, в этом варианте Рон даст тебе фору. Идёшь вперёд?

— Конечно, — заходим в пустую спальню, и я специально слежу за его реакцией. — Знаешь, а она симпатичная девушка.

— Что? Гермиона? — дёргается он от моих слов.

— Ага. Очевидно, что познакомившись с ней до расцвета её красоты, ты просто не рассматривал её специально ещё и с этой стороны.

— Что ты пытаешься сказать? — говорит он после небольшого промедления.

— Только это, — жму плечами. — Не думаю, что кто-то ещё нашего возраста осознал и оценил. Даже она сама. Особенно она.

— Это как так?

— Подумай сам. Другие девушки штукатуруются косметикой, накручивают причёски, кокетничают. А она не делает ничего подобного. Может ей это и не нужно, поскольку такие мужчины, как я или ты, видят сквозь всё это. Чтобы оценить привлекательность надо сначала заметить и взглядеться, а она как раз для привлечения к себе внимания не делает ничего.

— Она тебе по душе? — спрашивает Гарри с нечитаемым выражением лица.

— Конечно! — скалюсь. — Очень даже! Но... — ухмылка вянет, и я смотрю в сторону. — Я не для неё.

— Да ладно, я вот никуда не годен в таких материях, но не думаю, что это правда вообще.

Честно, я считал вы будете вместе к этому времени. Вы склеились меньше чем через день после того, как встретились!

— Нет, — отвечаю немного погодя. — моё... прошлое... тайны... Я не... это просто не будет работать.

— Ну коль ты так говоришь, — неловко ёрзает Гарри.

— Именно, — вздыхаю. — А как насчёт тебя? Я уже доказал, что ты любишь её, — ухмылка возвращается мне на лицо.

— Это было так неловко, — морщится он, — так это всё обрушить на меня.

— Звиняй, мне показалось, что тебе стоит это знать.

— Не уверен, что поможет. Имею в виду, что я никогда не думал о ней иначе, как о действительно хорошем друге.

— Ну вот, примерно так оно и начинается, а? Лично я думаю, ты рассматривал Рона как предпочтительного друга только потому, что он парень. Гермиона была той, кто всегда заботился о тебе. Даже когда вы сердились на неё за Молнию, которую забрала МакГоннагал, она просто боялась за тебя.

Опять сидим в глубокомысленной тишине. Немного погодя, он замечает:

— Я знаю, но я тоже не для неё.

— Почему нет?

— Ты сам-то слышал то, что рассказывал мне вчера.

— Я специально напоминаю ту часть, в которой я сказал, что тебе нет необходимости умирать, — возвращаю я ему твёрдый взгляд.

— Но это же не надёжно? Как я могу быть хоть с кем-то, зная что маячит впереди?

— Совершенно уверен, что есть какая-то пословица или цитата в тему, что нельзя бояться жить своей жизнью. Даже невзирая на страшные обстоятельства. Во время войн у многих был подобный же выбор. И знаешь, в реальной жизни действовало всё с точностью наоборот — люди старались жить, быть счастливыми и дарить счастье своим любимым, сколько бы там времени им судьба ни отмерила. Если бы твои родители руководствовались твоей логикой, ты

сам просто не появился бы на свет. Ведь это были времена разгара почти уже проигранной войны с Волдемортом. Да и многих иных твоих ровесников не существовало бы на этом свете. И была бы Гермиона одна против Малфоя с его бандой. Но ты есть, жив и сидишь напротив меня.

— Ладно, где-то ты накрутил и исказил. Не слишком убедительно.

— Попрошу Гермиону справку подготовить, и уж она-то сможет тебя убедить, — от моих слов он наконец слегка улыбается. — Если серьёзно, ты спятишь, если будешь сосредоточен только на своей предполагаемой судьбе. И будешь, как ты любишь, только переживать, а не думать. Стоит заниматься только одной насущной проблемой в конкретный момент времени. И начать с подготовки тебя к первому заданию, какое бы оно ни было.

— У меня не будет слишком много времени для девушек в этом случае — занят буду слишком, — хмурится он.

— Ерунда! Ты уже проводишь кучу времени с Гермионой.

— Угу. Но это всё дела школьные или что-то подобное. Ты сам знаешь.

— Эй. Я же клёво смываюсь, когда надо дать вам время побыть вдвоём.

— Это же Гермиона, Уильям! — закатывает глаза Гарри.

— Да-да, она, это точно, — опять кривляюсь.

— Ты злой. Я... даже не знаю, смогу ли думать о ней вот так. Как будто ощущаю, что я не должен так делать.

— Ну, тебе и не надо делать что-то по-другому. Это был бы безошибочный путь к неловкости для вас обоих. Веди себя как обычно. И если случится, что заметишь возможность, просто слегка склонись в том направлении...

— Я не могу так поступить! — резко прерывает он меня, потом мотает головой. — Думаю, ты на меня плохо влияешь, Уильям.

— Ну вот, вы с Гермионой и думаете одинаково, — скажусь я.

— Надо перестать болтать с тобой, — фыркает он, потом оглядывает меня с серьёзным выражением лица. — Я ещё не говорил тебе, так вот — спасибо за всё, что ты рассказал и сделал для меня. Я очень тебе признателен.

— Нет проблем, Гарри. Просто это то, что любой друг сделает, я думаю.

— Не просто любой друг, — мотает он головой. — Ты хороший друг, Уильям.

— Тогда хорошие друзья.

— Да, хорошие друзья, — решительно кивает он. Потом поворачивается и занимает себя подготовкой ко сну. Когда мы оба уже готовы забраться по кроватям, он откашливается. — Кстати, меня правда в дрожь бросает, как это ты знаешь про Молнию и всё остальное.

— Извини за это, — говорю, но потом бормочу. — Должен признать, что у меня самого от этого тоже мурашки по коже.

— Что?

— Ничего. Спокойной ночи, Гарри.

— Спокойной ночи, Уильям.

* * *

Если бы мне в-целом не было так плохо, то к обстановке в оранжерее можно было бы отнестись с юмором, а то и повеселиться от души. Конечно, главное блюдо — ненавидящие взгляды хаффлпафцев: Гарри покусился на славу их факультета. Даже Спраут их явно поддерживает. Некоторые из гриффиндорцев также бросают недружелюбные взгляды в ответ. Рон волком глядит на всех. И на закуску, ещё и Гермиона бросает на меня взгляды поверх головы Гарри.

— Хорошо, что взгляды не убивают... Ещё эти скачущие луковицы: они сами должны пересаживаться, если жить хотят. Мы что, серьёзно собираемся бить рекорд Хогвартса по количеству пронзительных взглядов за один класс?

Гарри хрюкает, а на меня направляются ещё несколько “лазеров”.

— Привыкнешь, — пожимает он плечами.

Я помню о его ощущении подавленности от всеобщего презрения между объявлением имён участников и первым заданием. Так что нынешнее его вполне нормальное поведение ободряет.

Подсмотрев за Невиллом, я заимствую пару его уловов, и мы завершаем урок вполне удовлетворительно. Если не обращать внимания на сосредоточенных на нас взглядах.

И конечно Гермиона пытается сделать ноги.

— Гермиона, стой! — зову я во время забега вслед, а Гарри повторяет моё упражнение. Мы поднимаемся вместе с ней. — Лёгкая пробежка по утрам — не такой уж плохой вклад в твою подготовку, Гарри. Молодец, Гермиона, соображаешь!

— Ургх! Вы несносны! — рычит она, но скорость снижает.

Меня так и подмывает пошутить, но сказать “считаю, что правильное слово для нас — милые” — значит заполучить ещё один болезненный тычок в плечо. И только в случае везения. Поэтому перехожу на серьёзный тон.

— Послушай, Гермиона. Прости за вчерашний вечер.

— И за что ты извиняешься? — её тон даёт понять, что извиняться надо за всё.

— Я... не хотел рассердить тебя. Мне не по себе, когда ты на меня обижаешься.

— Ладно, — искренность в моём голосе немного охлаждает её пыл. — Тогда ты действительно должен наслаждаться своей паршивостью, — вот так, строго, кратко и ёмко.

— Давай мы... немного прогульнёмся и поговорим об этом?

— Хорошо. Ну, что там у тебя? — вздыхает она.

— Может я вас, ребята, попозже встречу? — предлагает Гарри.

— Нет, это то, что мы с тобой вчера вечером обсуждали.

У Гарри округляются глаза. Гермиона сжимает челюсть до желваков, но молчит. Двигаемся к озеру, под прямым углом к дороге в замок. Идём примерно минуту, прежде чем я начинаю говорить.

— Что из того, что я сказал, так рассердило тебя?

— Ты сам знаешь, — фыркает Гермиона.

— Думаю, понимаю, — киваю. — Но считаю, что произошло недопонимание.

Она молчит, только ещё сильнее сжимает зубы. Вздыхаю и продолжаю.

— Оно случилось, когда я стал описывать специфическое выражение твоего лица. — Смотрю в небо. — Думаю ты считаешь, что я смеялся над тобой. Но нет. Я не шутил. — Она не отвечает, а отворачивается и смотрит вдаль, и после паузы я продолжаю. — Ты симпатичная. Гермиона, но я не думаю, что ты сама оценила себя. — Она ещё сильнее отворачивается от меня, и я бросаю вопросительный взгляд на Гарри.

— Он прав, Гермиона. До его слов я просто не думал об этом, но это правда. Я сам на себя удивляюсь, что никогда до вчерашнего дня не обращал на это внимания.

В ответ слышны только шмыганья носом. Гарри замечает первым и обнимает её. Очень быстро её плечи начинают содрогаться, и мне приходится отвести взгляд в сторону, когда осознаю, что она опять молча ревёт. Через несколько минут она наконец вылезает из скорлупы.

— Вы думаете я симпатичная?

— Да, — говорит Гарри, глядя её по спине.

— А я не думаю, я знаю, — это уже я.

— Я... Я должна признаться кое в чём, — она трёт глаза и смотрит на нас обоих. — Я уменьшила мои передние зубы в начале этого года. — Опять слёзы льются ручьём. — Я знаю, что внешний вид не много значит и дразнилки не остановит, но я просто... я просто...

Меня обдаёт ушатом холодной воды. В каноне она не уменьшала зубы до момента, пока Малфой не попал в неё заклинанием их увеличения. И вот... Она что, уменьшила их из-за меня? Пробую обдумать поездку в поезде, но не могу вспомнить в точности, чтобы оценить разницу с каноном.

— Тут нечего стыдиться, если это прибавляет тебе радости в жизни, — мягко говорит Гарри, продолжая аккуратно гладить ей спину.

После ещё некоторого периода сопений и углаживаний, она отворачивается от Гарри и обнимает меня. Все мои вопросы — почему она это делает — растворяются в её крепком объятии.

— Знаешь, Гарри и я тут поняли, что твоя привлекательность приводит нас к проблеме, — пока я говорю и ухмыляюсь, глаза Гарри округляются. Убеждаюсь, что лицо вернулось к серьёзному состоянию, когда Гермиона ослабляет хватку и задирает голову ко мне. — Теперь, когда нами установлено, что ты обладаешь красотой, умом и... — нарочито потираю многострадальное

плечо, — мускулами, мне с прискорбием приходится тебе сообщить, что в школе нет ни одного достойного твоего внимания парня.

— Идиот! — без осуждения говорит она. Она ещё раз прижимает меня и только потом отпускает. — Позволь об этом мне самой судить.

Держась за руки, мы неторопливо бредём к озеру в приветливой тишине. Ах да, это Гарри с Гермионой держатся за руки. Из-за разницы в росте её рука слишком низко для меня, поэтому предлагаю ей уцепиться за мой согнутый локоть.

Корабль Дурмштранга отшвартован заметно дальше, но мне кажется, что кто-то плавает рядом с ним.

— Хоть мы начали об этом в шутку, но бегом заняться стоит. Что бы там ни было в первом задании, к нему не помешает быть в хорошей физической форме, — привлекаю их внимание к кораблю и особенно на окружающую его воду. — Думаю, это Крам.

— Плавать в ноябре? — поражён Гарри. — Он спятил?

— Кстати о спятивших, — Гермиона смотрит на меня, а точнее на отсутствие у меня верхней мантии. — Почему ты не одет?

— Наслаждаюсь холодом, — пожимаю плечами.

— Ерунда, Уильям, надо пойти и...

— Гермиона, — шёпотом предупреждает её Гарри.

— Всё нормально, Гарри. У меня только один плащ, и он слишком уж тёплый для такой погоды, — ободряюще улыбаюсь на её смущение. — Я говорю правду. Мне нравится холод. — Глядя на корабль, прищёлкиваю языком. — Но не до такой степени, конечно.

— Предположительно хороший способ тренировать сердце, — скороговоркой проговаривает Гермиона. Полагаю она рада смене темы.

— Мне спросить, нужна ли ему компания? — усмехаюсь, вспомнив про её и Крама отношения.

— Наверное нам стоит ограничиться бегом, — строит она мне гримаску.

— Ага, так ты участвуешь? Это хорошо, ведь мы с Гарри легко тебя догоняем. Поэтому начнём помедленнее ради тебя. — И тут же пару раз резко прыгаю в сторону от неминуемого шлепка и

разворачиваюсь к ней с идиотской улыбкой на всё лицо.

— Ну тогда так, — она избавляется от сумки-утяжелителя. Та падает как гиря.

— А-а-а, твою мать, — говорю, но моё умильное извинение за британский акцент только добавляет злобности её бесшабашному оскалу.

* * *

— Привет, Уильям, Гермиона, Гарри.

Смотрю вверх от своей растяжки на Луну, приближающуюся вместе с Невиллом. На них обоих тренировочная одежда, похожая на нашу. Ну, на Гермионину точно. Гарри одет во что-то мешковатое и с пятнами от Дадли, да и я позаимствовал старые треники Дудерса тоже.

— Здорово, ребята, — нервничая, приветствует нас Невилл.

— Здорово, Луна, Невилл, — говорю со счастливой улыбкой. — Как жизнь? — это весьма необычно — видеть Луну на улице.

— Солнце, небо, облака, знаешь, всё как обычно, — отвечает Луна, подняв брови, а потом глядя вверх. — Гелиопаты точно так же где-то там высоко.

— Извини, — быстро вмешиваюсь, чтобы не допустить неминуемого комментария Гермионы по поводу воображаемых существ. — Хотел спросить, чем вы тут занимаетесь?

— Мы видели, как вы бегаєте последние два дня, — переминается Невилл. — И надумали к вам присоединиться, если вы не возражаете.

Так, значит Невилл и Луна встречаются по утрам. Интересненько. Гляжу на Гарри, сделав брови домиком и скалясь.

— Мы тут помогаем Гарри тренироваться к турниру.

— Ох... ну если так... — говорит Невилл.

— Ерунда, мы будем рады, если вы присоединитесь, — также скалится Гарри.

— Давайте начнём растяжку с начала, — предлагает Гермиона. — Мне уже всё равно — каждая жилка ноет.

— Моя бабушка сильно рассердилась, что твоё имя выпало из кубка, Гарри, — рассказывает Невилл, пока мы тянемся. — Говорила, что и Дамблдор, и Крауч, — оба получают по вопилёру от неё, — он явно содрогается от этой мысли.

— Она не думает, что я сам всё устроил? — удивляется Гарри.

— Нет, и мы тоже так считаем, — отвечает Невилл, жестом присоединяя Луну. А на меня косится нервно. — Конечно, твоё беспалочковое представление тем вечером помогло.

Замираю вместе с Гарри и Гермионой. Луна продолжает счастливо раскачиваться в растяжке, проигнорировав предостережения Гермионы о недостаточности подготовки к ней.

— Не понял, о чём ты, — убираю любые признаки недовольства из голоса.

— Всё в порядке, Уильям. Все остальные всё-таки смотрели на Гарри. Об этом говорили, и после твоего ухода, и потом, когда тебя с Гарри не было. Никто не упомянул, что ты даже не дотронулся до палочки.

— А, чуток повезло, полагаю. — Или не счёл нужным упомянуть: не верится, что только Невилл такой наблюдательный.

— И я полагаю, — правда, интонацией Невилл чётко выражает противоположное.

* * *

Работу Гарри по игнорированию освистывания в следующие пару недель можно было оценить только как поразительную. Обойдёмся без фанфар, но за некоторую часть его заслуг можно и мне маленькую медальку повесить. Скорее всего, большую часть заслуги надо отдать факту, что он осознал необходимость думать о гораздо более важных вещах. Презрение целой школы не так разрушительно, когда тебе предначертано сойтись в смертельной схватке с самым опасным Тёмным Лордом в истории. Но когда дело касалось Драко Малфоя, высмеивание на переменах ударило по Гарри тяжелее, чем во всех остальных случаях.

Снаружи кабинета зельеварения сосредоточивается в ожидании небольшой контингент гриффиндорцев, подпираемый полным составом четверокурсников-слизеринцев. На их одежде — большие бляхи с алыми буквами, ярко светящимися во мраке коридора.

“Поддержите Седрика Диггори — НАСТОЯЩЕГО Чемпиона Хогвартса!”

— Нравится, Поттер? — громко говорит Малфой, когда Гарри, Гермиона и я оказываемся близко. — И это не всё, что они могут — смотри!

“ПОТТЕР ВОНЯЕТ!”

— Ой-ой-ой, как смешно, Малфой! — саркастически замечает Гермиона. — Даже остроумно. — Она вонзает кинжальный взгляд в Панси Паркинсон с подпевалами, часть которых заходятся в хохоте активней Малфоя. Но одна весьма привлекательная девушка с волосами цвета вороного крыла, стоит позади Панси и просто смотрит на Гарри, потом на Гермиону, когда та говорит, потом переводит свои голубые глаза-льдинки на меня. Слегка ей улыбаюсь, после чего она сдвигает брови и переводит взгляд на Малфоя.

— Хочешь штучку, Грейнджер? — говорит Малфой, протягивая ей бляху. — У меня их кучи. Только не трогай мою руку — не хочу отмывать её от грязнокровной слизи.

Смутно припоминаю несколько заклинаний в этом месте и времени и скорее чувствую, чем вижу готовую выплеснуться ярость Гарри. Думаю лучше, если я вмешаюсь. Поэтому слегка отталкиваю Гермиону на Гарри.

— Тебе бы стоило проверить чистоту собственной руки ещё раз, — говорю, засунув правую руку в карман с претензией, что пользуюсь палочкой, и машу левой рукой в его направлении, выпустив капельку магии.

Бляха расплывается в зеленовато-коричневый комок грязи, заставив завизжавшего Драко отпрыгнуть назад. Я заставляю грязь исчезнуть почти сразу же. Малфой наставляет на меня лучший свой убийственный взгляд.

— Да как ты смел! Вот погоди, пока мой отец не узнает об этом, Лернер! Твоя родословная не спасёт тебя в этот раз! — Тут он переводит взгляд на Гарри. — Тебе повезло иметь чистокровного телохранителя, а то...

— Не понимаю, о чём вы тут распинаетесь, мистер Малфой, — говорю невозмутимо. — Кроме того, я солгал. Мои родители — магглы. — Улыбаюсь и ищу среди облака слизеринцев пару пронзительных голубых глаз. — Упс, кстати. Может вы и пересмотрите ваше представление о превосходстве чистокровности, если примете во внимание родословные нас троих, директора и вашего главы факультета? — Собираю побольше магии в руке пока говорю, ожидая ответа. И не разочаровываюсь. Малфой выхватывает палочку.

— Денсаугео!

Голубой мерцающий щит выпрыгивает в реальность между двумя группами, поглотив заклинание с минимальным ослаблением.

— Как некультурно, — говорю.

— Что здесь происходит? — вмешивается убийственно тихий голос.

— Они напали на меня, — обвиняюще жалуется Драко, — И он сказал, что вы...

— Примите мои извинения, профессор, — прерываю я Драко, давая возможность щиту медленно рассосаться. Снейп переводит взгляд на Гарри, и я считаю за лучшее перенаправить его гнев на себя. — Это был мой щит. Мистер Малfoy не оценил моё предложение его одноклассникам критически обдумать свои убеждения по поводу чистоты крови. — Успеваю проглотить, что чистота крови не имеет значения там, откуда я. Но тут мне на ум приходит, что Снейп вполне может быть осведомлён о неизвестной мне здешней ситуации в волшебном мире США.

Ощушаю взгляд зельевара на себе, но не отвожу глаз от пола. Снейп молча разворачивается на каблуках и возвращается в класс, оставив дверь открытой в молчаливой команде следовать за ним.

Драко меряет меня взглядом, чисто губами выговаривает мне “грязнокровка”, а я слегка хмыкаю в ответ перед его разворотом и гордым дефиле в кабинет. Пока мы пропускаем остальных слизеринцев, я ловлю всё так же нечитаемый мной взгляд голубоглазой девушки с иссиня-чёрными волосами. И пока её одноклассники заходят в лабу, я замечаю отсутствие бляхи, хотя не помню — была ли она у неё до появления Снейпа.

— Ты мне никогда не говорил, что ты — магглорожденный, — шепчет Гермиона.

— Не говорил? — повернувшись, вижу уставившихся на меня Гарри с Гермионой и изображаю как можно более удивлённый вид. — Полагаю, к слову ни разу не пришлось. Статус крови ведь действительно ничего не значит? — добавляю с улыбкой.

— Конечно нет.

— Спасибо, Уильям, — тихо благодарит Гарри. — Я бы не догадался поднять щит.

— Я подозревал, — но мы уже заходим в лабораторию, где я кожей чую желание Снейпа по малейшему поводу снять очки. Гермиона, кажется, тоже это понимает.

— Потом поговорим.

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1360132>